

## «СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЖЕНЩИНА?»: ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЖЕНСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ И ТЕЛЕСНОСТИ В ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНА

Раскрывается проблематичность онтологического статуса женщины в контексте современной теории постфеминизма. Сквозь призму понятий власти, дискурса и субъекции, разработанных в философии Мишеля Фуко и Джудит Батлер, проводится критический анализ объектной, субъектной и телесной парадигм онтологизации женского. Делается вывод о том, что подобная деонтологизация женского открывает новую перспективу «бытия женщиной», в которой будут иметь место большая свобода и открытость.

**Ключевые слова:** женщина; онтологический статус; телесность; субъекция; власть.

При первом приближении вопрос, вынесенный в заглавие данной статьи, кажется в большей мере провокативным, нежели затрагивающим и раскрывающим действительную проблему. Каждый из нас рожден женщиной, да и воспитан по большому счету женщинами (учитывая реалии современной российской системы образования). С детства мы имеем дело с яркими образами сказочных красавиц (фей, принцесс, преданных и верных дочерей, желанных невест) или их антиподов (злых мачех, коварных волшебниц и т.п.). С детства мы приобретаем опыт безграничной женской теплоты и жертвенности или капризности, самолюбования, истеричности (это уж как повезет). Кажется, существование женщины – факт несомненной и незыблемой реальности, как детство, как материнская утроба, как то, с чем вообще невозможно спорить, а можно лишь принимать. Однако философская рефлексия находит место для «удивления» и «сомнения» даже там, где обыкновенный здравый смысл уже воздвиг сквозь тысячелетия неподвижную стену «очевидности».

**Женщина как объект и как субъект.** Эта «очевидность» женского, о которой можно говорить в XXI в., раскрывается в перспективе совершенно определенного исторического противостояния. С одной стороны, имеет место классическая бинарная модель западного мышления, в которой женщина рассматривается как объект в поле зрения мужчины/человека; объект, по отношению к которому необходимо проявлять заботу воспитания, ограничения, охранения; объект, который отличается от прочих, пожалуй, лишь своей близостью к человеку (мужчине), а следовательно, потенциальной опасностью, пробуждающей в нем иррациональные глубины. С другой же стороны, западная традиция, начиная с XVIII в., постепенно и далеко не безболезненно формирует совершенно новое понимание женщины. Это понимание основывается на признании женской субъективности, которая в течение долгого времени была скрыта за «мужским взглядом» на женщину, за мужской интерпретацией ее существа и предназначения, как правило, в образах объекта воспроизводства человеческого рода, сексуального объекта, объекта воспитательной практики. Эта субъективность отныне обнаруживает способность говорить от своего имени, обозначая собственные потребности и интересы, претендуя на сверхъобъектный статус, на репрезентацию в культурной, экономической и политической сферах. Иными словами, на данном историческом этапе нам доступны две традиции «очевидности» женского – объектная и субъектная, классическая и феминистическая.

Первая из этих позиций лежит у самых истоков западноевропейской цивилизации и обусловлена фунда-

ментальным дуализмом философской дискурсии. Этот дуализм, как правило, выражается чередой дихотомий: добро и зло, бытие и ничто, присутствие и отсутствие, истина и ложь, мышление и материя, душа и тело, рациональное и чувственное, мужское и женское и т.д. При этом мужское начало представляется носителем разума и субъектности, понимаемых как совокупность духовного, сознательного, рационального, активного, внешнего и т.п., а женское начало репрезентирует собой телесность и объектность, выражаемые чувственным, бессознательным, иррациональным, пассивным и внутренним. Как замечает Сергей Жеребкин, «...логика бинарных оппозиций, в которой мужское является субъектом, а женское – объектом, является концептуальной основой патриархатной метафизики в целом, которую в современной философии называют *фаллоцентризмом*, подчеркивая тем самым, что, по видимости, бесполой приоритет разума-логоса в ней на самом деле неразрывно связан с приоритетом мужского начала и присущих ему атрибутов и характеристик» [1. С. 391]. Поэтому совершенно естественным для западного мышления является перенос аксиологического приоритета разума над телесностью и чувственностью на взаимоотношения мужского и женского начал. Иначе говоря, сама по себе женская телесность в патриархатной философской градации репрезентируется как стихийное и разрушительное природное начало, влияние которого на культуру несет в себе угрозу и должно быть нейтрализовано [Там же]. Утверждение «стихийности» женского начала провоцирует некую двойственность его осмысления: с одной стороны, женщина есть некий неразумный, ускользающий от рационализации феномен, а с другой – по этой же причине она есть то, что необходимо рационализировать, что являет собой, по сути, познаваемый объект эпистемологии. Как замечает современная феминистская исследовательница Элизабет Гросс, «Женщина (с большой буквы в единственном числе) остается вечной философской загадкой, таинственным и непостижимым объектом» [2. С. 601].

Объект – это нечто другое по отношению к субъекту, это нечто, что не может говорить за себя, но обречено на проговаривание субъектом. Таким образом, женщина в классической традиции представлена сквозь призму мужских страхов и ожиданий, мужских представлений о ее природе.

Однако параллельно этой бинарной модели концептуализации женского с XVIII в. женщина начинает сама говорить о себе, рационально и самоотверженно оспаривая свою «иррациональность». Начиная со знаменитого проекта Мэри Уоллстоункрафт, можно с уверенностью говорить о зарождении движения за политические и эко-

номические права и свободы женщин (суфражизм). Это движение в XX в., начиная с выхода в свет книги Симоны де Бовуар «Второй пол», перерастает в самостоятельное направление теоретического, а затем и научного дискурса. Вследствие указанных изменений трансформируется и само представление о женщине. Сражаться за свои права и свободы, отстаивать свою разумную природу, вообще активно стремиться к культурной репрезентации может лишь определенная субъективность. Женщина как субъект в политике, экономике, образовании, творчестве и множестве других культурных измерений; женщина как субъект и в приватной сфере партнерства с собственным мужем, любимым, в свободном выборе материнства или отказе от него, вообще в выборе собственного жизненного пути – феномен, сформировавшийся сравнительно недавно, но для современного общества уже обретший статус данности и метафизической очевидности. Одним из интереснейших примеров закрепления субъектной концепции женского являются разнообразные рейтинги влиятельности, в которых постепенно укрепляются и женские позиции. В России в январе 2012 г. на сайте радиостанции «Эхо Москвы» представлен специальный рейтинг «100 самых влиятельных женщин России». Этот проект представляет своеобразный «микс» объектной и субъектной модели женского. С одной стороны, подавляющее большинство экспертов, распределявших места влиятельности, – это мужчины (мужчина / субъект судит о влиятельности женщины, которая в данном случае выступает как объект рассмотрения). С другой стороны, критерии распределения мест в рейтинге связаны с *влиянием* женщины, с ее самостоятельностью и реальной значимостью в жизни современного общества. Как подчеркивается редакцией, «в список вошли и те женщины, кто реально влияет на принятие решений в сфере политики или бизнеса, занимая высокие должности, и те, кто определяет умонастроения и является примером для подражания». «Влияет» и «определяет» – ключевые слова, безусловно, презентующие субъектную «очевидность» женского.

#### **Противоречия в экспликации женского субъекта.**

Итак, в современном обществе циркулируют два понимания женского, иногда обретая и некоторый смешанный вид, в котором женщина «обязана» исполнять обе роли сразу. Быть успешным лидером в общественной жизни, самостоятельной личностью, от решений которой зависит не только материальное благосостояние семьи, успех бизнеса, но иногда и процветание целого государства, если эта женщина занимает серьезный государственный пост или является лидером политической оппозиции. При этом в семье от нее зачастую ожидают проявления самой что ни на есть традиционной «женственности» в смысле покорности, преданности, терпения и самоотверженности. Причем чтобы успешно сочетать эти два противоречивых амплуа, женщине необходимо все-таки в главном быть очень собранным «воятелем» своей судьбы, Субъектом с большой буквы.

Итак, что же это такое – женский субъект? Насколько очевидно и «естественно» его существование, требующее репрезентации в социальном, культурном, политическом и даже приватном пространстве, заявляющее о себе в феминистическом дискурсе и ставшее полноправным элементом *реалий* современного мира?

Известный американский философ Джудит Батлер считает существование женского субъекта как минимум проблематичным, что обусловлено двумя серьезными причинами:

1. Внутри самого феминистического дискурса понятие женщины выступает предметом серьезных дискуссий. Все существующие попытки сформулировать очевидное на первый взгляд содержание феминистического субъекта, некоторого женского «мы», с неизбежностью приводят и приводят к тому, что ряд индивидов, считающих себя женщинами, оказываются исключенными из дескриптивных рамок женского субъекта. Женщина ускользает от однозначной референции. Так, например, классический либеральный феминизм, выступая за права женщин, ограничивал их правами белых женщин среднего класса, что само собой спровоцировало критику со стороны цветных женщин и женщин из рабочего класса. Поиск уникальной женской сущности в супружестве и материнстве негативно воспринимается теми женщинами, которые не могут или не хотят иметь детей и не видят для себя счастье и перспективу самореализации в роли домохозяйки. Гетеросексуальность «истинной» женщины воспринимается как недостаточный критерий лесбиянками и т.д. Однако чем больше расширяется поле значений женского субъекта, тем в большей степени он теряет свою определенность или, точнее, обнаруживает свою неопределенность.

2. Говорить об очевидном существовании женщины / субъекта затруднительно еще и потому, что не существует индивида, который являлся бы *только* женщиной. Расовые, классовые, этнические, сексуальные, региональные и другие типы идентичностей представляют собой тот контекст значений, который существенно влияет на дескрипцию женского субъекта и в значительной степени ее затрудняет. «В результате, – отмечает Д. Батлер, – представляется невозможным вычленив “пол” из переплетающихся политических и культурных напластований, в которых он неизменно воспроизводится и поддерживается» [3. С. 302].

Вся эта несогласованность и крайняя противоречивость экспликации женской субъективности доказывает, с точки зрения Д. Батлер, что женщина / субъект не является условием дискурса феминизма, но *конструируется им в качестве своего условия*, в качестве преддискурсивной естественной субъективности. Таким образом, не только к женщине / объекту, но и к женщине / субъекту приложимы знаменитые слова Симоны де Бовуар «Женщиной не рождаются, ею становятся». Иными словами, как и чувственной, немощной, иррациональной женщина становилась в традиционном обществе, поскольку таковой она циркулировала в фаллоцентристском дискурсе, обуславливающем женскую «норму» внутри этого общества. Точно так же волевая рациональная женская личность формируется в качестве женской нормы в феминизирующемся обществе, обществе, находящемся под влиянием феминизма: «В действительности закон производит и затем скрывает понятие “субъект до закона”, с тем чтобы обратиться к этому дискурсивному образованию как к натурализованной базовой предпосылке, которая впоследствии узаконивает его собственную регулятивную гегемонию. Категория “женщины” – предмет исследо-

вания феминизма – производится и ограничивается теми же структурами власти, при помощи которых добиваются эмансипации» [3. С. 301].

Женщина как субъект не может рассматриваться как очевидная данность, некий изначальный природный стержень, который ранее не находил для себя адекватной репрезентации, поскольку был «задавлен» классическим бинарным дискурсом, и только в современном феминизирующемся обществе обретает свободу быть собой и выражать себя. Крайняя противоречивость онтологической позиции женской субъективности обнаруживает необходимость соотнесения женского субъекта с понятием субъекта вообще. Поэтому рассуждение о «существовании женщины» должно быть перенесено в контекст размышлений о субъекте как таковом и в этом контексте соотнесено как с трансцендентальным субъектом классического философствования, так и с историческим субъектом философии постмодерна.

**Классический и неклассический субъект.** Итак, вопрос о том, что такое женский субъект, тесно связан с другим вопросом – что вообще такое субъект, каково онтологическое значение субъективности как таковой?

Западная традиция классического философствования формирует понятие субъекта прежде всего в эпистемологическом контексте. Субъектом является такая вещь (res), благодаря которой процесс познания является возможным – мыслящая субстанция (res cogitans; Р. Декарт) или совокупность априорных условий возможности опыта познания (И. Кант). Трансцендентальный субъект, или «чистый разум», существует постольку, поскольку без его существования невозможно обосновать реальность процесса познания, а значит, и адекватность, и эффективность научного дискурса. В XVII–XVIII столетиях философское обоснование научного дискурса было очень актуальным, поскольку предыдущие два тысячелетия западноевропейское мышление испытывало репрессивное влияние метафизики, связанное с безусловным преимуществом познания как трансцендирования. «Познание – преодоление чувственного мира через созерцание и приобщение к миру сверхчувственному» – вот квинтэссенция магистральной линии философствования начиная с теории идей Платона и заканчивая средневековой метафизикой. И это стало причиной того, что эмпирическое познание чувственной природы долгое время, по словам знаменитого физика Эрвина Шредингера, находилось в состоянии «спящей красавицы», которая ждала «разрешения» быть собой и быть самостоятельной ценностью от метафизики и религии. Это «разрешение» или даже «благословение» научный дискурс получил в Новое время именно в виде трансцендентального субъекта, мыслящей вещи, машины познания, которая требует удовлетворения в процессе познания природы, которая стоит за процессом познания, обосновывает его исключительную значимость и последующую эффективность. В этом состоит суть трансцендентального поворота в эпистемологии – постулирование и онтологизация познающего субъекта. Классический субъект, таким образом, обретает реальность, становится очевидностью и даже абсолютизируется в философии Г.В.Ф. Гегеля, где познание и реальность сливаются в

единый вневременный логический процесс: Субъект познания  $\equiv$  Реальность, нет ничего, кроме великой реальности познающего субъекта!

Абсолютизация субъекта в философии Г.В.Ф. Гегеля стала первым отдаленным предвестником его так называемой гибели в XX в. «Великий рассказ» об абсолютной реальности «чистого разума» обозначил и предрешил «смерть» субъекта, провозглашенную целой плеядой знаменитых философов на волне «недоверия» к какому бы то ни было «великому рассказу». С особой остротой проблема «смерти субъекта» (которая, однако, ни в коей мере не означает возможности обойтись вообще без субъекта) была поставлена и раскрыта в философии знаменитого французского философа Мишеля Фуко.

Фуко обращает внимание на взаимосвязь научного дискурса с онтологизацией субъекта познания, только в этом взаимоотношении несуществующий субъект обосновывает и вызывает существование научного дискурса, но дискурс порождает субъекта в качестве своего собственного обоснования посредством определенных техник субъективации, а затем скрывает свою субъектопорождающую (субъективирующую) роль, постулируя предискурсивную реальность субъекта. В этой теснейшей взаимосвязи дискурса – субъекта имеют определяющее значение следующие аспекты:

1. Властные отношения. Ни один тип дискурса не может быть рассмотрен безотносительно власти. Понятие власти, по Фуко, имеет принципиальное значение для раскрытия связки дискурс – субъект. И главное в его модели властных отношений заключается в принципиальном неприятии традиционного «вертикального» понимания власти. Власть не может принадлежать тому или иному субъекту, она вообще не есть чье-либо достояние, за которое стоит бороться или которым определенный человек способен распоряжаться: «Под властью, мне кажется, следует понимать, прежде всего, множественность отношений силы, которые имманентны власти, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации; понимать игру, которая путем непрерывных битв и столкновений их трансформирует, усиливает и инвертирует; понимать опоры, которые эти отношения силы находят друг в друге таким образом, что образуется цепь или система, или, напротив, понимать смещения и противоречия, которые их друг от друга обособляют; наконец, под властью следует понимать стратегии, внутри которых эти отношения силы достигают своей действенности, стратегии, общий абрис или же институциональная кристаллизация которых воплощаются в государственных аппаратах, в формулировании закона, в формах социального господства [4. С. 192]. У власти нет и не может быть никакого «штаба», человека или группы людей, на которых можно было бы возложить ответственность за те или иные проявления власти. Отношения (стратегии) власти несубъектны, исходят из множества точек, реализуются во множестве подвижных отношений неравенства. Власть «исходит отовсюду», и именно она является источником дискурса, производит некое проговариваемое поле, претендующее на истину в тот или иной исторический период. «Власть производит знание», предполагает его в качестве своего обоснования.

2. Порождение субъекта. В философии Фуко традиционное понимание субъекта как производителя знания, через которое он реализует свою познавательную потенцию и рациональную сущность, оказывается перевернутым. Любой дискурс, в том числе и классический рациональный дискурс трансцендентализма, осуществляет специфические технологии субъекции, через которые порождается видимый (мифический) источник дискурса, занимающий определенную позицию онтологической укорененности. По этой причине субъект, по Фуко, не является субстанцией. Рассмотрение субъекта, помещенное в контекст власти-знания, открывает иллюзорность адискурсивной природы любой субъективности. Субъект предстает как подвижная исторически обусловленная форма «маскировки» властных стратегий. Именно в этом смысле и следует понимать «смерть субъекта»: субъект не может больше рассматриваться как действительная субстанция, но только как исторически обусловленная конструкция властного дискурса. Как отмечает А.В. Дьяков, «термин “субъект” у Фуко употребляется в двух значениях, причем оба связаны с “производством”: во-первых, индивиды *производят* в качестве субъекта, то есть контролируют и ставят в зависимость; во-вторых, он сам *производит себя* в качестве субъекта, проявляя “заботу о себе”. Эти аспекты не являются принципиально различными и независимыми один от другого, ведь в обоих случаях речь идет о производстве на основании некоторого знания, которое можно представить как технологию. Это то знание, которое обеспечивает индивиду власть – власть над собой, оборотной стороной которой является власть над другими» [5. С. 491]. Иными словами, субъект в любом случае есть определенная конструкция, онтологизированная посредством техник субъекции либо непосредственно властью, либо опосредованно через «заботу о себе».

3. Сопротивление субъекта. Одна из важных составляющих субъекции, по Фуко, – сопротивление субъекта, которое возможно, однако, не по каким-то самостоятельным личностным волевым причинам, но исходя из той же обусловленности субъекта властными отношениями. Пока происходит субъектообразующее давление властного дискурса, субъект становится субъектом, при этом усиленно сопротивляясь «бытию субъектом»: «Но сопротивляется субъект не чему-то внешнему по отношению к нему. Все линии сопротивления пролегают внутри самого субъекта, потому что все линии принуждения проходят там же. С падением выработанных классической эпохой институций принуждения «умирает» и классический субъект. Оказывается, что существовать он мог лишь до тех пор, пока существовало принуждение и пока он этому принуждению сопротивлялся. Нет сопротивления – нет и субъекта» [5. С. 493]. Впрочем, совсем обойтись без субъекта невозможно. Пока существуют человечество, общество, коммуникация, пока существуют циркулирующие в них и через них властные стратегии, будут без конца проговариваться или даже «промалчиваться» разнообразные модели субъективности, будут производиться субъекты, стремящиеся преодолеть рамки своей субъективности. Жесткая внутренняя зависимость от власти и постоянная «жизнь в бегах», попытки преодоления репрессивного воздействия

субъекции и невозможность это сделать, поскольку субъект – лишь плод этой самой субъекции, – вот реальная судьба субъекта. Это номадическая концепция субъекта, в которой не может быть четких рамок дефиниции, где определенно известно только одно – бесконечное перемещение, подвижность субъекта.

Очевидна, таким образом, трансформация, которую претерпела «женщина» в течение последних двух тысячелетий. От объекта, выпадающего из схемы классической рациональности через признание классическим субъектом, готовым отстаивать и реализовывать свои права наравне с мужчинами, до номадического субъекта, который через крайнюю противоречивость экспликации (через сопротивление дефиниции и нежелание быть фиксированным женским субъектом) обнаруживает свою крайнюю подвижность и зависимость от властного дискурса. Но ни в одном из указанных «обличий» нельзя найти той онтологической укорененности, очевидной естественности, которые помогли бы ответить утвердительно на поставленный в заглавии этой работы вопрос – существует ли женщина?

Женщина существует как конструкт – это очевидно из проделанного выше анализа, но существует ли она в реальном жизненном пространстве, укоренена ли она онтологически, а не дискурсивно? Кажется, последним оплотом в надежде увериться в существовании женщины остается женское тело. Очевидность его бытия вызвала и желание удовольствий, и мистический страх, и творческий порыв в человечестве на протяжении, пожалуй, всей истории его существования. Возможно, и относительная независимость телесности от разнообразных концепций субъективности может выступать основанием для онтологизации женского.

**Политическая анатомия женского тела.** Соматофобия, безусловно, является одним из основных признаков традиционного западноевропейского стиля мышления. Восходя к Платону и его определению тела как зла, препятствующего истинному познанию, классическая философия вплоть до XIX в. разрабатывала и закрепляла механизмы презрительного отношения к чувственной, материальной, телесной форме бытия. Материальное начало понималось скорее как «тень», на фоне которой явственно выступает величие, красота и всемогущество человеческого или божественного разума. Даже христианство, пришедшее под знаменем воплотившегося Бога и будущего всеобщего воскресения мертвых, не смогло полностью избежать «эллинского соблазна» пренебрежения телесностью, о чем среди прочего ярко свидетельствует и известный поступок одного из первых христианских учителей – Оригена. Однако даже в указанном контексте телесность занимала определенную онтологическую нишу наряду с чувственным, материальным, естественным. Под сомнение ставилась скорее значимость тела в деле спасения либо в деле познания, но не его существование. Более того, телесность оказывается практически единственным онтологическим оплотом во время глобального кризиса классической метафизики. «Смерть Бога», провозглашенная Ф. Ницше, означает прекращение апелляции к трансцендентному и выстраивание онтологической перспективы исходя из «самого близкого» и «самого очевидного»: «Пробудившийся, знаю-

ций, говорит: я – тело, только тело и ничто больше; а душа есть только слово для чего-то в теле» [6. С. 33].

Быть может, существование женщины и есть существование женского тела, которое является онтологически незыблемым фундаментом исторически подвижных моделей субъективности?

Однако внимание к «естественной» телесности, сменившее внимание к сверхъестественным сущностям, открыло совершенно неожиданную перспективу сомнения в естественности естественного, которую, например, Джудит Батлер обозначает как «стратегию денатурализации». В рамках этой стратегии тело раскрывается как конструкт и помещается из контекста биологии в контекст политики.

Так, Мишель Фуко в своей знаменитой работе «Надзирать и наказывать» впервые вводит понятие «политическая анатомия», которая представляет собой «исследование “политического тела” как совокупности материальных элементов и техник, служащих оружием, средствами передачи, каналами коммуникации и точками опоры для отношений власти и знания, которые захватывают и подчиняют человеческие тела, превращая их в объекты познания» [7. С. 43].

«Политическое тело» – это концепт, посредством которого раскрывается и становится явной дискурсивная обусловленность телесности, которая никогда в человеческом опыте не дана непосредственно, вне интерпретации, вне культурной маркированности. Человеческое тело – пронизанный властными отношениями и дискурсивными практиками культурный конструкт, оно «непосредственно погружено в область политического. Отношения власти держат его мертвой хваткой» [7. С. 39].

Относительно тела задействованы те же технологии, что и при конструировании субъекта: тело искусственно порождается властным дискурсом как нечто естественное и адискурсивное. Политический захват тела, делающий его видимым в дискурсивном поле культуры посредством практик исключения, вуалирует свою «работу», уместя тело в «естественную» онтологическую нишу и противопоставляя «искусственности» культуры.

Таким образом, Мишель Фуко переосмысляет телесность в двух принципиальных аспектах:

1. Человеческое тело перемещается из области естественной биологической первоосновы искусственного поля культуры внутрь мира смыслов, интерпретаций, культурных коннотаций, объявляется дискурсивным конструктом.

2. Тело-конструкт выступает в культурном контексте как акультурное, не сконструированное, вуалируя тем самым механизмы политического захвата.

Оба эти принципа могут быть применены и к осмыслению онтологического статуса женского тела.

Что вообще собой представляет женское тело?

Во-первых, это тело, маркированное биологическими признаками женского пола. Так, по словам современного ученого Л.Е. Эттингена, «половая принадлежность обусловлена весьма сложным феноменом: различают пол генетический, гормональный, по строению головного мозга, по внутренним и внешним морфологическим признакам и пр.» [8. С. 165].

Во-вторых, это те особенности женского тела, которые имеют явно выраженную социальную природу,

порождены гендерной идентификацией. К таким особенностям можно отнести, например, деформированные ступни (древнекитайская культура), отсутствие или деформацию клитора и половых губ (как результат клитороэктомии. По словам Л.Е. Эттингена, в мире до сих пор насчитывается около 135 млн женщин, подвергнутых этой процедуре! [8. С. 169]). Осанка, походка и другие подобные признаки, сложившиеся вследствие той или иной степени культурной репрессии «идеала» женской красоты, так же формируют тело, как и особенности первой группы.

Так, известный американский биолог Рут Хаббард утверждает: «Если общество одевает половину своих детей в короткие юбки и не велит им двигаться так, чтобы были видны трусики, а другую половину – в джинсы и комбинезон, поддерживая их желание лазать на деревья, играть в мяч и другие активные дворовые игры; если позже, в юности, детей, которые носили брюки, убеждают, что “растущему мальчишке надо много есть”, в то время как дети в юбках предупреждены, что надо следить за весом и не толстеть; если половина в джинсах бегает в кроссовках или ботинках, в то время как половина в юбках ковыляет на шпильках, то эти две группы людей будут отличаться не только социально, но и биологически» [9. С. 78].

Сконструированность второго типа особенностей не вызывает сомнений, тогда как первая группа имеет на первый взгляд абсолютно внедискурсивную природу. Женская / мужская половая специфика закладывается «природой» и воспроизводится стабильно в любой из известных культур, является базовой биологической предпосылкой, на основе которой происходит «нормальная» социализация человека, обретение им гендерной идентичности.

Однако если социальная роль человека является выражением и культурным оформлением его естественных особенностей, тогда почему гендерная идентификация в культуре неизбежно оказывается связанной с определенными механизмами подавления?

Джудит Батлер отмечает: «Человек не становится воплощением определенного гендера путем свободного, ничем не ограниченного выбора, так как гендерная идентичность управляется определенным набором строгих табу, условностей и законов. За несоответствующее выражение гендера предусмотрены наказания: мужчина в штате Мэн прошелся по улице в платье, как подобает женщинам; на следующий день его труп находят в овраге» [10. С. 296]. Множество примеров негативного отношения к трансгендерам только подтверждает репрессивные стратегии навязывания гендерной идентичности. Если бы гендер соответствовал полу, то механизм культурного принуждения попросту бы не существовал. С точки зрения Д. Батлер эта противоречивость присвоения гендера позволяет сформулировать очень значимый вывод, а именно: «Не только не существует причинно-следственной связи между полом и гендером, но само слово “пол” является неправильным употреблением термина, и биологическая действительность, которую мы называем полом, сама есть исторический конструкт и на самом деле является политической категорией» [10. С. 302]. Поэтому мы имеем дело не с «натуральным полом», а с «натурализацией пола», которая представляет

собой лишь один из способов навязывания гендерной идентичности.

Человек должен вести себя, одеваться, говорить, думать, как подобает женщине / мужчине, **потому что** является человеком женского / мужского пола, т.е. потому, что этот человек **есть женщина / мужчина**. Апелляция к онтологии в данном случае есть репрессивный механизм, с помощью которого индивид соглашается надеть смирительную рубашку гендера. Так или иначе множество примеров резкого (трансгендеры) или умеренного (мужеподобные женщины и женоподобные мужчины) сопротивления однозначной гендерной идентичности опровергает эссенциалистскую интерпретацию пола. «Не существует пристанища в виде тела, которое не было бы уже проинтерпретировано в значениях, присущих данной культуре, следовательно, пол нельзя расценивать как додискурсивную анатомическую данность. Действительно, пол, по определению, всегда был исключительно продуктом культуры» [3. С. 308]. Таким образом, становится невозможным утверждать существование мужских и женских тел вне культурного контекста. Тело человеческое, тело, обладающее полом, «замарано» дискурсом и только вследствие этого является существующим, видимым, «реальным».

Другими словами, существуют определенные особенности человеческого тела, но женскими или мужскими эти особенности являются не сами по себе, но в ракурсе культурной интерпретации. Более того, само слово «существовать» относительно тела означает быть воспринятым, осмысленным, проинтерпретированным. Именно в этом смысле с позиции современной постфеминистической теории невозможно говорить о естественном, биологическом, внедискурсивном существовании женского тела.

**«Женщины не существует», или Первый шаг к женскому существованию.** Итак, мы неумолимо приближаемся к выводу о том, что женщина как таковая представляет собой дискурсивный конструкт, создаваемый и воспроизводимый культурой посредством четких механизмов исключения и репрессии. «Быть под господством власти, внешней тебе, – знакомая и мучительная форма. Однако обнаружить, что то, что “ты” есть, само твое устройство как субъекта в определен-

ном смысле находится под воздействием этой самой власти, нечто совсем другое. Субъекция состоит как раз в этой фундаментальной зависимости от дискурса, который мы никогда не выбираем, но который парадоксальным образом дает начало нашей деятельности и поддерживает ее» [11. С. 15–16]. Быть женщиной – не значит быть природным объектом мужского влияния и воплощением чувственности, не значит быть рациональным субъектом, отстаивающим свои права и свободы вопреки объективирующей репрессии фаллоготризма, не значит быть телом, продуцирующим определенную объектную или субъектную интерпретацию. Это значит быть сконструированным той или иной исторически сформированной дискурсивностью, как то естественное начало, которое в определенной степени обеспечивает жизнеспособность данной формы дискурса.

Однако деконструкция женского вовсе не означает полного отказа от этой категории или «смерти женщины», которая продолжит череду смертей, обозначенных постмодерном. Более того, с точки зрения Батлер, только в этой точке осознания подлинной дискурсивной природы женского возможно настоящее освобождение, выход за рамки жесткого каркаса классической и феминистической схем онтологизации женщины, поиск тех форм «бытия женщиной», которые будут обладать большей свободой и открытостью, большей подвижностью в целом. «Парадоксально, – пишет Батлер, – но, может быть, только через освобождение категории женщин от фиксированного референта нечто вроде “свободы действия” становится возможным» [12. С. 251].

Все указанные выше формы конструирования женского стремились во что бы то ни стало уничтожить саму возможность женского *et cetera*, которая на самом деле является единственным путем к спасению женского...

Или очередной формой поддержки нового типа дискурсивности, который установит свое метафизическое гетто над новыми поколениями человеческих индивидов?

В любом случае главной задачей данной статьи является скорее проблематизация существования женщины, чем формулирование окончательного ответа на поставленный в заглавии вопрос.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Жеребкин Сергей. Гендерная проблематика в философии // Введение в гендерные исследования Ч. 1: учеб. пособие. Харьков : ХЦГИ; СПб. : Алетей, 2001. С. 390–426.
2. Гросс Элизабет. Изменяя очертания тела. Гендерная проблематика в философии // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: хрестоматия. Харьков : ХЦГИ; СПб. : Алетей, 2001.
3. Батлер Джудит. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой. Минск : Прополис, 2000. С. 297–346.
4. Фуко Мишель. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет : пер. с фр. М. : Касталь, 1996. 448 с.
5. Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. СПб. : Алетей, 2010. 672 с.
6. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого / пер. с нем. Ю.М. Антоновского. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2004. 395 с.
7. Фуко Мишель. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М. : Ad Marginem, 1999. 478 с.
8. Этинген Л.Е. Половые органы мужчины и женщины // Человек. 2010. № 6. М. : Наука, 2010. С. 165–172.
9. Киммел М. Гендерное общество / пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2006. С. 464.
10. Батлер Джудит. Присвоение телом гендера: философский вклад Симоны де Бовуар // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии / сост. Э. Гарри, М. Пирсел ; пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2005. С. 292–303.
11. Батлер Джудит. Психика власти: теории субъекции / пер. Завена Баблюяна. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетей, 2002. 168 с.
12. Батлер Джудит. Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о «постмодернизме» // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ, 2001 ; СПб. : Алетей, 2001.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 7 июня 2012 г.